

Часть первая

Дэжек

Чарльстон, Южная Каролина, лето 1942 г.

1

— **К**акого дьявола?!

С треском распахнув крышку коробки, Джек огляделся. Темно, пыльно, мрачно...

— Где это я?

Вокруг, будто старое ненужное тряпье, валялись игрушки, которых он не видел уже не один год. Холодный ужас охватил Джека.

— Вот-те на! Я в Подкроватье!

Внезапно ему с леденящей ясностью вспомнилось, как Томас назвал его «игрушкой для малышей».

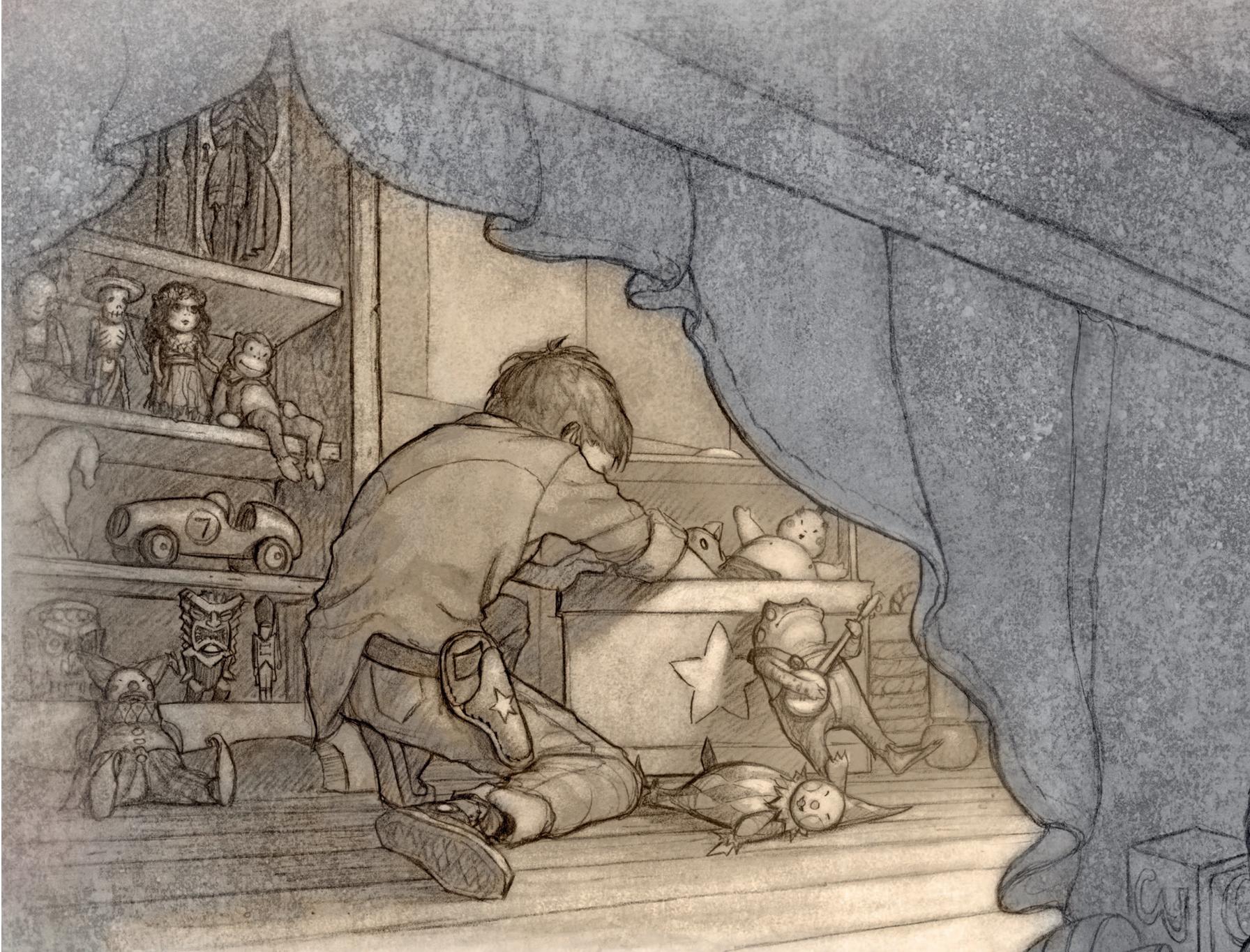
«Ну да, мальчишке-то уже десять, — сообразил Джек, чувствуя, как нарастающий страх распирает грудь. — Ясное дело, кое-какие игрушки он перерос. Но... не меня же? Я все так же забавен. Просто жуть, как забавен!»

Еще бы! Шутовской костюм в яркую полоску, буйная рыжая шевелюра торчит из-под островерхого колпака во все стороны... Поверни только ручку, и он с треском выскочит из коробки, запрыгает, запляшет, крутанет сальто, зазвенит колокольчиками на всю комнату — джингл-джангл!

Джек щелкнул ногтем по колокольчику на кончике колпака. Звон отдался в темноте тусклым печальным эхом.

— Так почему же Томас забросил меня под кровать?

По спине пробежал холодок. Игрушки рядом, в тени, выглядели какими-то потускневшими. И не только потому, что выцвели — хуже: они утратили свой игрушечный дух! Шалтай-Болтай лежал на боку, то разевая, то с тихим, глухим стуком закрывая рот. Плюшевый мишка уныло покачивался из стороны в сторону, глядя во мрак пустыми, неподвижными глазами. Другие игрушки и вовсе не шевелились. Казалось, они мертвы. Джек задрожал. «Да это же самое скверное место, куда только может угодить игрушка», — подумал он. Тогда он еще не знал, что игрушка может угодить и в места более — куда как более! — скверные.

Тут в комнату с шумом ворвался Томас — в клетчатой ковбойке, перепоясанный ремнем с пустой кобурой поверх грязных штанов. Солнце Южной Каролины обрызгало его бледные щеки густой россыпью веснушек. Присев над ящиком, мальчик принялся рыться в игрушках.

«А вот Там, Снаружи, — внезапно подумалось Джеку, — все сверкало яркими красками. Там, Снаружи, игрушки улыбались во весь рот. Там, Снаружи, всюду кипела жизнь...» Больше всего на свете Джеку хотелось назад — Туда, Наружу.

«Наверное, просто ошибка какая-то», — подумал Джек. Пользуясь тем, что Томас сидел к нему спиной, он выпрыгнул из коробки и придвинул ее к кромке одеяла — ровно настолько, чтоб мальчишка смог его заметить. Комично повиснув на краю коробки, он раздвинул губы в одной из своих самых задорных улыбок и принялся ждать, когда же хозяин обернется.

Тем временем Томас выложил на пол с десяток игрушек, но искал он явно что-то определенное.

— Куда ж ты подевался? — сказал он, запустив пятерню в спутанные рыжие лохмы на затылке.

Он отшвырнул в сторону грязные штаны и пару рубашек. Встал, сдвинул брови, оглядел полки... и, наконец, взглянул вниз, на кровать.

Сердце Джека затрепетало.

— А-га-а! Вот ты где!

Подойдя к Джеку, мальчишка наклонился, протянул руку и...

...поднял с кровати серебристый револьвер-пугач.

Сунув пугач в кобуру, мальчишка развернулся и оказался лицом к лицу с тряпичным лягушонком, прислоненным к ящику с игрушками. Лягушонок был одет в комбинезон, а в лапах держал банджо. В складках его швов белели опилки, выпученные немигающие глаза таращились на мальчишку.

Томас сощурился, расставил пошире ноги и принял стойку, известную лишь самым опытным стрелкам. Его рука замерла над рукоятью револьвера.

— Окей, Жаба, — зловещим хриплым шепотом сказал мальчик, — ход за тобой.

Выхватив из кобуры револьвер, он шесть раз кряду нажал на спуск, взводя курок раскрытой ладонью. Но пугач откликнулся только шестью негромкими сухими щелчками.

— Провалиться им всем, косоруким, — пробормотал Томас, переломив револьвер и поддев пальцем колечко с шестью пистонами. — Вечно эти пистоны перекашивает!

Тут мальчишка заметил Джека и озадаченно поднял брови.

— Эй, как это ты оттуда вылез? — сказал он, пинком отправляя Джека назад, под кровать.

Джек опустился на пол и обхватил руками колени. Даже коробку поднимать не стал. Сидя во мраке, он грустно смотрел, как Там, Снаружи Томас играет с другими игрушками.

— Скоро и с ними будет то же, — устало сказал кто-то рядом.

Джек обернулся, вглядываясь в темноту.

— Кто это сказал?

Крепко сложенная кукла с длинной белой бородой, одетая в потрепанный мундир, поднесла два пальца к потертому шлему, вяло козырнув в ответ.

— Как нас легко забывают...

Джек сощурил глаза.

— Да ты же тот самый щелкунчик! Барон!

Услышав свое имя, щелкунчик заметно оживился.

— Так точно. Когда-то я принадлежал отцу Томаса. Давно я здесь. Много повидал. И точно могу сказать: этого не миновать даже лучшим из лучших. Дети растут, а игрушки остаются в прошлом. Здесь, под кроватью, не мед, но это ничто по сравнению с чердаком. Там, наверху, исчезаешь во тьме. Там, наверху, — он поднял взгляд, как будто видя, что там, наверху, и вздрогнул, — крысы грызут твои пальцы, а никому и дела нет.

Джек поднял свою коробку, забрался внутрь и закрыл крышку. Здесь он свернулся клубком поверх пружины, и коробка тихонько, еле слышно, заиграла ему свою песенку. Джек закрыл глаза. Под убаюкивающую мелодию сделалось как-то спокойнее. Здесь, в коробке, легче было притворяться, что все хорошо. «Хорошо хоть коробка осталась при мне», — подумал он.

Комнату заливал лунный свет. Томас уснул, и игрушки вышли порезвиться. Они плясали, пели, пихались, боролись в волшебном царстве фантазии, где ни один взрослый не мог их ни видеть, ни слышать. Но Джек-то слышал! Он стукнул по защелке и распахнул крышку. Прямо перед ним гудел целый рой веселящихся игрушечных существ. Каждый имел роль и нрав, которыми наделил его Томас — ведь жизнь в них вдохнула мальчишеская любовь и фантазия. Без этого все они канули бы в небытие, вновь превратившись в безжизненные тряпки, опилки да вату.

Игрушки прыгали, скакали, крутили сальто и падали на пол. Одни играли в пятнашки, другие — в прятки, третьи водили хоровод — словом, озорничали, как могли. Все до единого от души веселились.

А вот Джеку было не до веселья.

«Конечно, — подумал он. — Чего ж тут веселого, когда тебя забыли!»

Тут затрубил горн. Игрушки бросили игры и обернулись к стеллажу. К краю одной из полок подошел высокий, статный красный рыцарь с черным крестом на груди и мечом у пояса. На его локте, точно драгоценный приз, покоилась рука ангела, красавицы в ослепительно-белом платье, усеянном блестками снежинок. Красный Рыцарь равнодушно, бесстрастно взглянул вниз. Холодный взгляд Снежного Ангела был устремлен куда-то вдаль. Это были лучшие из игрушек Томаса. Привезенные его отцом издалека, из самой Бельгии, обе хранились в роскошных стеклянных футлярах с позолотой.

Красный Рыцарь и Снежный Ангел соскользнули с полки и рука об руку двинулись по комнате. На ходу рыцарь одаривал восхищенных собратьев скупыми кивками.

«Проклятье, да что в нем такого особенного?» — недоумевал Джек.

Снежный Ангел шла молча, чинно сложив на спине крохотные белые крылышки, подняв подбородок и глядя вперед. «А она так загадочна», — подумалось Джеку. Он вспомнил, как мать Томаса завела затейливую музыкальную шкатулку в стеклянном футляре Снежного Ангела, как Снежный Ангел запела — нежно, светло... Однако с той ночи от нее не слышать было ни песен, ни хоть одного словца. «Торчит и торчит в своем ящичке, пока Его Игрушество не соизволит вывести ее прогуляться. Странная она».

При приближении царственной четы игрушки бросали все дела и почтительно кивали или склонялись в реверансах. Кое-кто даже салютовал. Эти игрушки собрались сюда со всего света, из каждого порта, где бросал якоря отец Томаса. Сумо, Панда и Тролль затеяли бороться. Лягушонок брэнчал на банджо, а скелет Рикко, символ Дня мертвых, отплясывал джигу. Потрясающий арабский скакун белой масти играл в салки с жонглером Джуно, преследовавшим его на уницикле. Гавайская танцовщица Вики пела, потрясая кокосами, оглашая комнату веселым напевом южных островов, перемежавшимся возгласами «алоха», а бог Тики с диким яростным оскалом на лице резвился вокруг нее, будто щенок.

